

Александра Черчень

КОРОЛЬ
НЕБЛАГОГО ДВОРА
НИТЬ И СЕРЕБРО

RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ч-50

Черчень А.

Ч-50 Король Неблагого Двора. Нить и серебро / А. Черчень — М. :
RUGRAM_Publishing, 2022. — 276 с. — (Миры Александры Черчень).

ISBN 978-5-521-92765-4

Король Неблагого Двора призывает к себе смертных девушек и заключает с ними контракт на семь лет.

Девы прядут нити для волшебства, а по истечении срока службы фейри отпускает их с наградой. И без памяти.

Но когда Элла впервые предстала перед королем, то вручила ему подарок. И согласно обычаям фейри потребовала в ответ услугу. Свободу и волю.

Но над волшебной страной ступают тучи, в бездне просыпаются фоморы и сдержать их могут лишь по настоящему прочные нити.

Удастся ли спасти мир? А себя?

BIC FM
BISAC FIC009000

© Александра Черчень, текст, 2022

© Юлия Семенова обложка, 2022

© Татьяна Чернова, Ольга Савченя,
Артём Кукунов, «Кролик»,
иллюстрации, 2022

© RUGRAM, 2022

© Т8 Издательские технологии, 2022

ISBN 978-5-521-92765-4

ΠΡΟΛΟΓ

Миссис Томпсон уже полчаса перебирала отрезы разнообразных тканей и никак не могла выбрать материал для платья.

В данный момент в ее руках шуршала органза, и я мучительно пыталась сообразить, как бы намекнуть почтенной матроне, что этот материал скорее подходит для юных девушек. Особенно если хочешь сшить из него пышную юбку.

— Элла, как твои родители? — живо интересовалась поздняя клиентка. — И сама, оправилась ли после смерти бабушки?

Я вдвое сложила отрез мягкой шерсти, который предлагала миссис Томпсон до этого, и ответила:

— Мама с папой в порядке, спасибо за беспокойство. За год они почти пришли в себя. А я... меня очень выручило это занятие. — Я нежно провела ладонью по столу, столь же древнему, сколь и само здание, в котором располагалось мое ателье. — Работа лучшее лекарство от горя.

— И не говори, девонька, и не говори, — покивала седой головой старушка, которая приходила скорее для того, чтобы пообщаться, чем что-нибудь купить. — А у нас на ферме что-то сплошные неприятности в последнее время, даже не знаю, что делать. Жаль, дети подались в Дублин, так что одна-одинешенька я.

Тут миссис Томпсон несколько лукавила, так как «бросившие» ее дети обеспечивали матери постоянную поддержку наемных работников. Так что было кому и коров доить, и урожай собирать. Недавно даже новый трактор купили.

Но старушке очень не хватало общения.

— Да то молоко скиснет, хотя доили вечером, то зерно для посевной по амбару рассыпано. И чует сердце мое: что-то

тут нечисто! Хотя работнички и говорят, что просто мешок упал верхний да коты потом поигрались.

Я пожала плечами и сказала:

— Мне ли вас учить? Поставьте блюдечко с подношением для брауни. Мало ли, домовый дух шалит — на них это похоже.

Кому угодно другому я бы такое говорить не стала. Но старушка в дивный народец верила, а потому почему не поделиться своими соображениями?

— Да пробовала! — Миссис Томпсон всплеснула руками и возмущенно уставилась на меня поблекшими глазами. В юности они наверняка напоминали своим цветом зеленые холмы нашей Ирландии, но с годами выцвели до оттенка пыльного бутылочного стекла.

— И ничего? Тогда можно попробовать не по-хорошему, а по-плохому. — Я покопалась в голове и, нахмурившись, перечислила: — Вроде как полынь хорошо работает да ягоды рябины. Но лучше еще раз подношение оставить, вдруг это все же именно домовик-брауни и его рабочие по незнанию разозлили?

— Да, деточка, наверное, так и сделаю, — покивала старушка. Тронула морщинистыми пальцами плотный темно-синий лен. — Вот из этого станем шить. А по поводу мелких пакостников... Элла, ты бы знала, как отрадно с тобой о них поговорить. Нынешняя молодежь совсем не верит в фейри, потешаются надо мной... Потому даже если ты просто поддерживаешь беседу и не хочешь разубеждать старуху в ее иллюзиях — спасибо!

Я в ответ заверила, что всегда рада поболтать и точно не считаю, что над историей нашей земли нужно смеяться.

А сама украдкой вздохнула и покосилась на темнеющее окно, в котором отражался освещенный огнями главный зал моего ателье.

Я бы и рада не верить в фейри. Да не получается.

До закрытия оставалось немного времени, потому я быстро сняла мерки, стараясь при этом не заострять внимания на зеркалах и стеклах. А точнее — на том, что в них отражалось.

Закончив замеры, я пообещала миссис Томпсон, что ее наряд на майский праздник обязательно будет готов к сроку и я даже завезу ей его лично.

За клиенткой хлопнула дверь, отозвавшись едва слышным звоном колокольчиков, а после с улицы донеслось громкое урчание мотора старого форда. Старушка категорически отказывалась менять автомобиль на что-то более современное.

И я осталась наедине с собой.

Стараясь как можно скорее завершить все дела, я мечтала наконец-то подняться на второй этаж доставшегося от бабули домика. Там я уже давно занавесила все отражающие поверхности, а вот в самом ателье это было сложно сделать по техническим причинам.

В ушах зазвенело, и, словно сквозь туман, донесся мягкий мужской смех. Я потрясла головой и прерывисто выдохнула.

С начала весны зеркала стали вести себя странно. Даже проходя мимо магазинной витрины, я порой ловила краем глаза непонятную рябь, в которой вспыхивали бледно-синие огоньки. И оттуда доносился мужской голос, едва слышный, но отчетливый. Он шептал мое имя, словно бархатом касаясь ушей.

А уж когда я оставалась с зеркалом наедине... С любым зеркалом! В ванной, в коридоре, над туалетным столиком, с крошечным кругляшком на декоративной подставке, что стояла на моем столе...

Тогда обладателя бархатного голоса можно было увидеть. А шепот с наступлением сумерек становился все громче и громче.

— Элла, я жду тебя...

Ну вот, снова!

И если еще неделю назад я пыталась себя убедить, что слышать фейри в двадцать первом веке — моветон, то теперь мне лишь хотелось, чтобы все это закончилось.

Притом полынью никоим образом не помогала. Даже напротив, мои усилия, судя по всему, забавляли того, кто звал...

во всяком случае, когда я раскладывала сушеные ветки вокруг кровати, он от души веселился.

Я скользнула пальцами по рукавам и, шелкнув по рунической вышивке на манжетах, досадливо поморщилась. Обережные руны против волшебного народа тоже не действовали. То ли вышила я их неправильно, то ли тот, кто манит меня в холмы, оказался сильнее.

Впрочем, чему удивляться?

Я покачнулась, разум в очередной раз подернулся пеленой, а в ней... в ней звучали слова. Сказанные моим голосом, но не моими интонациями. Восторженными, вдохновенными, преклоняющимися, даже раболепными.

Мой король зовет меня.

Его волосы темнее самой непроглядной ночи, его глаза — как воды моря под ярким солнцем, его черты благородны и совершенны.

Я вижу его образ везде. Он смотрит на меня вместо моего отражения, он подмигивает сапфировым глазом из искаженного блеска заварочного чайника, он улыбается в бликах воды в кувшине... И трудно, так трудно оторвать взгляд от его узкого лица, от плавно изогнутых бровей, от губ, словно вышедших из-под резца гениального скульптора.

Мой король прекрасен так, что от восторга заходится сердце. И он любит меня! Он ждет меня!

В голове прояснилось так же быстро, как и затуманилось. Но если на момент начала морока я стояла за столом, то теперь замерла на противоположной стороне комнаты, распластав ладонь по темному стеклу. А с той стороны вырисовывался смутный силуэт... четкой и яркой была лишь белоснежная ладонь, прислоненная к окну с той стороны.

Изящная, узкая... с чересчур длинными пальцами. Нечеловеческая.

Фейри. Совершенство, у которого обязательно есть изъян. Безмерно красивый и — как и всякая красивая тварь в природе — безумно опасный представитель дивного народа.

Чтоб они там все передохли в полых холмах!

И это не я злая. Любой человек не отличается добротой, когда у него, учитывая все впечатления, едет крыша.

Стремительно развернувшись, я бегом бросилась к лестнице. Взлетев по ней, с грохотом захлопнула за собой дверь и прислонилась к дубовому массиву, прижимая ладонью бесечно колотящееся сердце.

Хотелось слышать голос. Свой, не начарованный. Потому я говорила. И снова говорила.

— Нужно что-то делать!

Слова с трудом продирались сквозь сведенную страхом глотку, и голос звучал хрипло, надсадно, словно я долго кричала, а не вкрадчиво мурлыкала о прелести ушастого нелюдя из отражения.

— Для начала дотянуть до утра, а потом, например, все же уехать в Дублин к родителям.

И попросить контактики хорошего психотерапевта (а то и психиатра), если там это пройдет.

Но что-то подсказывало, что нет. Не пройдет.

Так что я решила, что очередную ночь проведу в изучении книг и своих старых, детских и подростковых записей.

Было время, когда я жила и дышала легендами своей земли. Собирала книги, взахлеб рассказывала бабушке о том, что есть Благой Двор фейри и им правят летние рыцари, во главе которых стоят король Оберон и королева Титания. А есть Неблагой... зимний, холодный. И на троне под каменными сводами сидит прекрасная королева Мэб. Столь же великолепная, сколь и жестокая.

Я оставляла брауни молоко и кусок хлеба, политый медом. Я вешала засохшую рябину над входом, чтобы отпугнуть плохих фейри...

А бабушка лишь смеялась. Слушала мои сказки и делилась своими.

О том, что фейри боятся холодного железа. О том, что они не любят деньги, но обожают подарки и всегда отдают в ответ.

Потому и сложилось так, что я никогда не считала сказки о дивном народе совсем уж выдумкой. Если ты живешь в ирландской глубинке, не верить в существование фейри сложно, а уж мне и подавно. Бабушка рассказывала, что в возрасте трех лет я заигралась в саду, наверное вышла через заднюю калитку и... пропала. А вернулась через сутки, когда паника родных уже перешла все пределы. Просто появилась на крыльце, в незнакомом, невероятно красивом платье, с цветами и ягодами в волосах и с подвеской на шее в виде четырехлистника. И отобрать у меня подвеску не смогли — я начинала истерично рыдать, когда до нее даже просто дотрагивались.

Сама я помню только много музыки и звонкого многоголосого смеха, а потом — кого-то большого, склонившегося ко мне, закрывшего солнце. Ни лица, ни слов в памяти не сохранилось, но его волосы, такие же светлые, как мои, сияли вокруг головы словно волшебный шлем. Кстати, я так и осталась блондинкой, хотя все мои родственники темноволосые.

И подвеска осталась. Именно ее с самого начала марта я сжимала в ладони, когда хотелось бежать из дома, бежать к тому, кто звал меня. В святой уверенности, что я припаду к ногам моего короля еще до того, как рассветное солнце выкрасит алым верхушки деревьев.

В голове вновь помутнело.

Припаду к его ногам... Коснусь фрожащими пальцами его одеяния, позволю себе поднять глаза на совершенное лицо... И он протянет ко мне руки, светясь любовью...

Я вслепую нащарила подвеску и вырвалась.

Любовью, ну как же. Дивный лорд, полюбивший простую смертную, — такое бывает лишь в легендах. Да и там плохо заканчивается.

Почему-то появилось четкое ощущение, что эта ночь для меня последняя, когда можно что-то изменить. Думай, Элеонора Мак-Ринон, думай!

Почитать, кажется, не получится, так что стану полагаться на память.

Во-первых: железо!

Давным-давно бабушка подарила мне мой первый швейный набор. И он был не простой, а золотой! Вернее, железный. Старинный, с разными иглами, и что самое ценное — все они были железными. Современные-то... сплошной алюминий. А он не подходит.

Набор стоял на туалетном столике, зеркало на котором было накрыто покрывалом. И оно немедленно сползло, явив мне во всей красе прекрасный облик остроухого брюнета по ту сторону.

Он улыбался так, что я мигом ощутила себя единственной женщиной на всей земле! И, не иначе как по этой причине, крайне любимой.

— Э-ла-ла... — Он запрокинул голову и еще раз произнес мое имя. Медленно, раскатисто... словно пробуя его на вкус. А после вновь взглянул на меня, притом так, что аж колени подкосились. — Как ты красива. Как ты изящна. Иди же ко мне, иди...

Если честно, захотелось влезть прямо в зеркало и тотчас рухнуть в пучину страсти, которую несомненно обещал этот пламенный взор по ту сторону!

Я стиснула четырехлистник так, что края врезались в кожу. Вот только помогал он все меньше и меньше.

— Нет.

— Нет? — Идеальная бровь изогнулась, а на лице фейри появился укор.

И мне немедленно стало стыдно за то, что я такого прекрасного мужика разочаровала!

Потому я на всякий случай выдала ритуальную фразу. По всем сказкам она должна была дать понять волшебному народу, что ему тут не рады:

— Власти твоей нет надо мной.

Хотелось бы сказать, что ответила я четко и уверенно, но увы. Я мямлила и вздыхала.